

Казымова Надежда Наильевна

**ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОСТИ
ЧЕЛОВЕКА К ПЕРЕЖИВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ**

Специальность: 19.00.13 – психология развития, акмеология
(психологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук (ИП РАН)

Научный руководитель: Доктор психологических наук, профессор,
Тарабрина Надежда Владимировна

Официальные оппоненты: **Шамянов Раиль Мунирович**
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной психологии
образования и развития Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Саратовский
национальный исследовательский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»
Котенева Анна Валентиновна
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры научных основ
экстремальной психологии факультета
экстремальной психологии Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Московский
государственный психолого-педагогический
университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «11» октября 2018 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.016.03 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук по адресу: 129366, Москва, ул. Ярославская, д.13, корп.1

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук (ИП РАН) и на сайте <http://www.ipras.ru/>

Автореферат разослан «_____» августа 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат психологических наук

Никитина Елена
Альфредовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы

Проблема терроризма в настоящее время представляет собой важнейшую угрозу безопасности во многих странах мира, включая Россию. Острая актуальность этой проблемы требует проведения междисциплинарных исследований для создания эффективной международной системы противодействия терроризму. В отечественной психологии представлен широкий спектр проблем, связанный с изучением терроризма и его психологических последствий. Большое количество работ сосредоточено на понимании социально-психологических причин терроризма (Соснин, 2016*а,б*; Рузаева, Галочкина, 2016; Гишинский, 2004; Марков, 2004), выяснении мотивации террористов и составлении их психологического портрета (Султанова, 2016; Чернов, Буланов, 2013; Лебедева, 2012; Ольшанский, 2002; Решетников, 2004; Чурков, 2004), изучении факторов, способствующих вовлечению граждан в террористическую деятельность (Зинченко с соавт., 2011). Исследуются социальные представления о терроризме и террористах (Тарабрина с соавт., 2007; Мкртычян, 2007; Быховец, 2008; Батуева, 2012; Муращенко, 2012; Джанерьян с соавт., 2013; Фоломеева, 2014; Жаворонкова, 2015), понимание террористической угрозы (Знаков, 2010; Турок, 2011), формирование отношения общества к терроризму (Батуева, 2012; Грязнова, 2005), переживание экстремистско-террористической угрозы (Константинов, Бузыкина, 2016). Изучается переживание террористической угрозы в различных социодемографических, профессиональных, региональных группах (Знаков, Турок, 2010; Полякова, 2011; Середина с соавт., 2011; Тарабрина, Быховец, 2014 и др.).

Значительная часть работ в этом проблемном поле сосредоточена на изучении психотравмирующего воздействия переживания террористической угрозы. К их числу относятся как исследования непосредственных жертв терактов, так и косвенных жертв, испытавших на себе воздействие теракта через информационные источники. Понимание клинико-психологических последствий переживания террористической угрозы необходимо для разработки эффективных стратегий снижения негативных исходов воздействия угрозы терроризма на психику человека (Казымова, 2017). Проведенные исследования последствий крупных терактов первой половины 2000-х гг. показали, что стрессогенная природа терактов и террористической угрозы является этиологическим

фактором, способным привести к различным формам психологической дезадаптации, в том числе и к посттравматическому стрессу (Быховец, Тарабрина, 2010). В работах иностранных авторов среди наиболее частых негативных последствий терактов выделяют стрессовые реакции (Schuster et al., 2001; Grieger et al., 2003), депрессию (Schlenger et al., 2002; Ahern et al., 2002), расстройства сна, увеличение потребления психоактивных веществ (Vlahov et al., 2002). Психотравмирующее влияние террористической угрозы изучается и в отечественной психологии (Ташева, 2009; Солдатова с соавт., 2008; Мкртычян, 2009; Быховец, 2008; Вельтищев с соавт., 2005; Кочетков, 2005; Тарабрина, 2004; Бердникова, 2004; Ениколопов и др., 2004; Кекелидзе, 2004; Краснов, 2004; Нуркова с соавт., 2003 и др.).

По прошествии времени стали доступны результаты лонгитюдных исследований, в которых показано, что интенсивность посттравматических симптомов, вызванных информацией о терактах, постепенно снижается для большей части социума и сохраняется у особой, уязвимой части населения (Welch et al., 2016; Caramanica et al., 2014; Thoresen et al., 2014; Neria et al., 2013; Neria et al., 2010; Cukor et al., 2011; и др.). В этих и других исследованиях была продемонстрирована способность людей сохранять и поддерживать оптимальный уровень функционирования в экстремальных условиях, а также восстанавливаться после психотравмирующих событий. Поскольку жизнедеятельность современного человека вынуждена разворачиваться в условиях постоянно действующей угрозы терактов, результаты исследований негативных последствий переживания террористической угрозы должны быть дополнены данными о факторах совладания с угрожающими воздействиями. При этом должны рассматриваться как социальные и социально-психологические ресурсы (например, социальная поддержка, социальные навыки, уровень образования и дохода), так и индивидуально-психологические свойства и характеристики личности.

Переживание террористической угрозы может быть рассмотрено как модель стрессора, действие которого основано не на непосредственном воздействии на человека, а на восприятии информации относительно его присутствия (Тарабрина с соавт., 2007). В настоящее время информационные потоки, сигнализирующие об опасности, связанной с террористической активностью, практически не оставляют возможности для человека пребывать в неведении об уровне этой угрозы в обществе. Частые новостные выпуски о терактах, предупреждения в общественном транспорте, памятки о поведении в случае

теракта в общественных местах так или иначе вынуждают человека оценивать вероятность пострадать от действий террористов. Изучение психологической устойчивости к этой информации и поиск личностных ресурсов, способствующих успешной адаптации и эффективному функционированию в условиях террористической угрозы, представляет собой актуальную и социально значимую научную задачу.

Теоретико-методологическую основу исследования составили интегративный подход к изучению посттравматического стресса (Н. В. Тарабрина), представления о психологической устойчивости и жизнеспособности в отечественной и зарубежной психологии (А. В. Махнач, А. Speckhard, U. Kumar, A. S. Masten и др.), представления о жизненной перспективе (Ж. Нюттен, К. А. Абульханова-Славская, С. Л. Рубинштейн, Н. Н. Толстых и др.), концепция психологического благополучия (К. Рифф, Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко, О. С. Ширяева, Е. Б. Весна и др.), результаты эмпирических исследований переживания террористической угрозы (Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец).

Цель диссертационного исследования – изучить связь и ее специфику между переживанием террористической угрозы, индивидуально-психологическими ресурсами личности (психологическое благополучие и временная перспектива будущего) и факторами уязвимости (психопатологическая симптоматика и посттравматический стресс) в различных возрастных и половых группах респондентов.

В соответствии с данной целью были поставлены следующие эмпирические **задачи**:

1) Провести сравнительное исследование специфики переживания террористической угрозы, психологического благополучия, отношения к жизненной перспективе и психопатологической симптоматики в различных половозрастных группах респондентов.

2) Изучить взаимосвязь переживания террористической угрозы с параметрами психологического благополучия, отношением к жизненной перспективе и психопатологическим статусом респондентов разного пола и возраста.

3) Выявить специфику структуры психологического благополучия и психопатологической симптоматики в группах респондентов с различным уровнем переживания террористической угрозы.

4) Описать особенности содержания жизненной перспективы у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы.

Теоретическая гипотеза исследования заключается в предположении о том, что интенсивность переживания террористической угрозы определяется как негативными факторами, повышающими уязвимость индивида к этой угрозе (психопатологическая симптоматика и уровень посттравматического стресса), так и позитивными факторами (психологическое благополучие и жизненная перспектива), способствующими снижению интенсивных негативных переживаний, связанных с угрозой терактов.

Теоретическая гипотеза конкретизирована в нескольких **эмпирических гипотезах**:

- 1) Существуют половозрастные различия в интенсивности переживания террористической угрозы и выраженности индивидуально-психологических ресурсов личности
- 2) Переживание террористической угрозы имеет обратную взаимосвязь с показателями психологического благополучия и оценкой жизненной перспективы
- 3) Интенсивному переживанию террористической угрозы соответствует высокий уровень посттравматического стресса и психопатологической симптоматики
- 4) Временные и мотивационные особенности жизненной перспективы различаются у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы

Предмет исследования: связь переживания террористической угрозы, индивидуально-психологических ресурсов человека (компоненты психологического благополучия и жизненная перспектива) и негативных факторов уязвимости (психопатологическая симптоматика и признаки посттравматического стресса)

Объект исследования: индивидуально-психологические ресурсы устойчивости человека к переживанию террористической угрозы

Для достижения поставленной цели исследования был применен следующий **комплекс методик:**

- 1) Шкалы психологического благополучия (The Scales of Psychological Well-being (Ryff, 1989), адаптированные для русскоязычной выборки (Шевеленкова, Фесенко, 2005);
- 2) Методика «Перспектива моей жизни» (Миско, Тарабрина, 2004);
- 3) Метод мотивационной индукции (Нюттен, 2004) в адаптации Н. Н. Толстых (Толстых, 2010);
- 4) Опросник психопатологической симптоматики SCL-90-r (Derogatis, 1983), адаптированный для русскоязычной выборки (Тарабрина с соавт., 2007);
- 5) Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (гражданский вариант) (Vreven et al., 1995), адаптированный для русскоязычной выборки (Тарабрина с соавт., 2007);
- 6) Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, Тарабрина, 2010).

Участники исследования

В исследовании приняли участие 301 человек – жителей г.Москвы и Московской области. Все участники исследования были разделены на 3 возрастные группы. В юношескую группу вошли респонденты от 17 до 21 года (133 человека, ср.возраст – 19,6 лет): 80 девушек (ср.возраст – 19,67 лет) и 53 юноши (ср.возраст – 19,6 лет). Группу раннего взрослого возраста составили 58 женщин (ср.возраст – 26,72 лет) и 50 мужчин (ср.возраст – 27,44 лет) – всего 108 человек (ср.возраст – 27,05 лет). В старшую группу вошли 60 респондентов в возрасте от 36 до 60 лет: 44 женщины (ср.возраст – 48,07 лет) и 16 мужчин (ср.возраст – 51,94 лет).

Научная новизна и теоретическая значимость работы

Данное исследование продолжает научную работу по изучению переживания террористической угрозы, начатую в лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН. В данном исследовании предпринята попытка обращения к интегративным психологическим конструктам, определяющим психологическую устойчивость к террористической угрозе. Переживание террористической угрозы анализируется комплексно, с учетом влияния как негативных факторов, повышающих переживание этой угрозы (психопатологическая симптоматика и посттравматический стресс), так и личностных характеристик (психологическое благополучие и особенности

жизненной перспективы), выполняющих роль ресурсов, повышающих психологическую устойчивость к этому переживанию. Представлен подробный анализ половых и возрастных различий в переживании террористической угрозы. Впервые проведен сравнительный анализ групп респондентов с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы с точки зрения их различий по показателям психологического благополучия и особенностей планирования будущего.

Практическая значимость

Полученные в исследовании данные могут быть полезны представителям помогающих профессий при профилактической работе с населением, направленной на повышение психологической жизнеспособности общества. На основе полученных результатов о специфике мотивационно-личностных особенностей лиц с низким и интенсивным переживанием террористической угрозы могут быть разработаны практические рекомендации для работы психологов с косвенными жертвами терактов. В частности, показана необходимость включения в психотерапевтическую работу с лицами с высоким уровнем переживания террористической угрозы личностной рефлексии собственных переживаний как произошедших терактов, так и тех личностных смыслов, которые данное событие имеет для человека. Кроме того, теоретические и эмпирические данные исследования могут быть включены в образовательные программы по психологии экстремальных ситуаций.

На защиту выносятся следующие положения

1. Психологическое благополучие личности является интегральным показателем ресурсности человека. Чем оно выше, тем в большей степени человек обладает возможностями для снижения и управления своими негативными переживаниями, вызванными угрожающим информационным воздействием терактов.
2. Существует возрастная специфика взаимосвязи переживания террористической угрозы с индивидуально-психологическими ресурсами и негативными факторами уязвимости личности. Интенсивное переживание террористической угрозы сопряжено с выраженными признаками психопатологической симптоматики и посттравматического стресса во всех возрастных группах. В группе респондентов юношеского и раннего взрослого возраста психологическое благополучие отрицательно связано с переживанием террористической угрозы. По сравнению с

молодыми респондентами, в старшей группе переживание террористической угрозы выше и оно не связано с компонентами психологического благополучия.

3. Интенсивное переживание террористической угрозы связано с особенностями жизненной перспективы респондентов: для женщин с высоким уровнем переживания угрозы терактов мотивационное содержание будущего определяется беспокойством за близких людей, у мужчин – обеспокоенностью за собственную безопасность.

Соответствие паспорту научной специальности

Работа соответствует тематике специальности 19.00.13 – психология развития, акмеология и направлена на изучение индивидуально-психологических характеристик человека как факторов, способствующих поддержанию психологической устойчивости к информационному воздействию террористической угрозы (см. п. 3.4 в паспорте специальности). В работе анализируется специфика психологического благополучия и жизненной перспективы в группах с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы, а также учитываются возрастные и половые аспекты исследуемых характеристик (см. п. 3.22 в паспорте специальности).

Апробация работы

Теоретические и эмпирические результаты исследования обсуждались на заседаниях Лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН (2010-2015 гг.), заседаниях Лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН (2015-2017 гг.), итоговой научной сессии Института психологии РАН (24.02.2011). По результатам диссертационного исследования опубликовано 20 работ, в том числе 3 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Апробация диссертации проведена на заседании лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях 15 января 2018 г.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Объем основного текста диссертации составляет 110 страниц и содержит 23 таблицы и 2 рисунка. Список литературы составили 205 наименований, из них 75 работ на английском языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность научно-исследовательской работы, определяются ее методологические характеристики, выделяется объект и предмет исследования, определена цель исследования и задачи, необходимые для ее достижения, сформулированы гипотезы. Описана научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Представлены основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Современное состояние проблемы психологической устойчивости к переживанию террористической угрозы»** раскрываются теоретические основы диссертационного исследования, описаны результаты теоретических и эмпирических исследований переживания террористической угрозы и индивидуально-психологических ресурсов устойчивости к ней.

В *первом параграфе «Террористическая угрозы как предмет психологического исследования»* показана актуальность и практическая значимость изучения проблемы переживания террористической угрозы. Описана специфика террористической угрозы как стрессора высокой интенсивности. Представлено определение переживания террористической угрозы и анализ его структуры. Переживание террористической угрозы представляет собой сложное психологическое образование, формирующееся под влиянием информации о террористических актах и субъективно переживаемое как оценка вероятности стать жертвой теракта (Тарабрина, Быховец, 2014).

Во *втором параграфе «Информационное воздействие терроризма на психику населения»* приводится обзор исследований, посвященных изучению информационного характера воздействия террористических актов. Показаны механизмы превращения виртуальной информации о терактах в СМИ в часть реального опыта, способного вызывать интенсивные переживания террористической угрозы в виде страха, ужаса, беспомощности и т.д. среди тех, кто не был непосредственно пострадавшим в ходе террористических атак.

В *третьем параграфе «Психологические последствия переживания террористической угрозы»* представлен обзор исследований, показывающих что

террористические акты являются стрессорами высокой интенсивности, способными вызывать у уязвимой части населения целый спектр психопатологических симптомов (посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, бессонница, увеличение потребления психоактивных веществ и др.). Данные лонгитюдных исследований показали временную динамику психопатологических симптомов, вызванных переживанием террористической угрозы: их распространенность и интенсивность снижается со временем. Большинство людей оказываются способными к преодолению психопатологической симптоматики, вызываемой информацией о терактах. Более того, люди не просто выдерживают создаваемое этой угрозой напряжение, но и продолжают жить полной жизнью, активно развиваться, строить планы на будущее, достигать благополучия и процветания, и т.д. Таким образом, сосредоточение внимания специалистов только на разрушительных последствиях террористической угрозы оставляет неполным представление о том, каким образом эта угроза воздействует на современное общество. Поскольку интенсивность негативных психопатологических симптомов, возникающих как реакция на информацию о терактах, со временем снижается и большинство людей оказывается способным вернуться на прежний уровень функционирования, то наиболее общим ответом следует считать устойчивость населения в отношении террористической угрозы (Welch et al., 2016; Brandon, Silke, 2007; Garland et al., 2005; Vazquez, 2005; Shalev, 2004; Durodie, Wessely, 2002; Speckhard, 2002, 2003). На сегодняшний день в западной психологии в противовес исследованиям факторов уязвимости и негативных психологических последствий переживания угрозы терактов активно разрабатываются концепции психологической устойчивости и жизнеспособности населения в условиях террористической угрозы.

В четвертом параграфе **«Психологические факторы устойчивости к переживанию террористической угрозы»** рассматриваются результаты эмпирических исследований, в которых показана взаимосвязь интенсивности переживания террористической угрозы с различными демографическими, индивидуально- и социально-психологическими характеристиками человека, которые могут выступать как ресурсными факторами, так и факторами риска по отношению к переживанию данной угрозы.

Показана актуальность использования конструкта жизнеспособности для объяснения позитивной адаптации в экстремальных жизненных ситуациях. Понятие жизнеспособности сравнительно недавно появилось в научном дискурсе и его содержание все еще представляет открытый вопрос. Можно выделить основные моменты в понимании жизнеспособности. Во-первых, жизнеспособность рассматривается как динамический процесс, изменяющийся в зависимости от окружающего контекста и по прошествии времени. Во-вторых, это многокомпонентный конструкт, который проявляется как результат взаимодействия внешних и внутренних факторов. В-третьих, жизнеспособность имеет пересечения с другими понятиями, описывающими положительные исходы экстремальных ситуаций (Fletcher, Sarkar, 2013).

Представлен обзор исследований, посвященных изучению различных факторов жизнеспособности. В современных концепциях жизнеспособность рассматривается не как устойчивая личностная черта, а как баланс между защитными факторами и факторами риска, которые являются специфическими для каждой ситуации.

Сложности операционализации жизнеспособности имеют своим следствием отсутствие единого инструментария для ее изучения. Представляя собой дедуктивный конструкт, жизнеспособность не может наблюдаться или быть измерена напрямую, однако суждение об уровне жизнеспособности может быть выведено из наблюдаемого поведения индивида или живой системы, испытавших экстремальные воздействия. Для того, чтобы назвать систему жизнеспособной, должны, следовательно, соблюдаться два условия – адаптивное функционирование системы и предшествующее ему воздействие стрессовых обстоятельств, потенциально нарушающих функционирование этой системы (Mukherjee, Kumar, 2017). Широкое определение жизнеспособности, позволяющее исследовать ее проявление на основе других конструктов, звучит следующим образом: «Жизнеспособность – это индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007, с. 294).

В пятом параграфе «Современные представления о психологическом благополучии» подробно описаны основные концепции психологического

благополучия. Исторически сложилось два основных понимания конструкта благополучия, в соответствии с которыми оно рассматривалось как удовлетворенность жизнью или как полнота самореализации человека. Проведенный обзор современных концепций психологического благополучия показал сложность и многомерность этого феномена. Психологическое благополучие, являясь интегральной характеристикой человека, оказывается также связанным с другими интегральными понятиями, такими как психологическое здоровье, счастье, позитивное функционирование, регуляция жизнедеятельности, жизнестойкость. Именно эта широта охвата понятием психологического благополучия различных сторон жизни личности и затрудняет нахождение единого, непротиворечивого определения этого феномена. На сегодняшний день активно исследуется связь психологического благополучия с различными особенностями личности (смысложизненными ориентациями, осмысленностью жизни, суверенностью психологического пространства, толерантностью, стратегиями жизни, ценностными ориентациями, стратегиями поведения, особенностями совладающего поведения и др.) и ее социальными характеристиками. Обнаруживаемая в этих исследованиях связь позволяет утверждать, что психологическое благополучие представляет собой совокупность личностных ресурсов, обеспечивающих субъективную и объективную успешность личности в различных сферах жизнедеятельности. Такое определение открывает широкое поле возможностей для исследований влияния различных жизненных обстоятельств на жизнеспособность человека, представляющих особую практическую значимость в современном мире. В контексте настоящего исследования мы используем конструкт психологического благополучия согласно его пониманию в концепции К. Рифф. Компоненты психологического благополучия могут быть рассмотрены в качестве ресурсов, поддерживающих жизнеспособность личности и помогающих преодолевать негативные последствия переживания террористической угрозы.

В шестом параграфе **«Жизненная перспектива как психологический ресурс»** показано, что в современной психологии представление о психическом и психологическом здоровье неразрывно связывается с наличием глубокой временной перспективы, с наличием целей и планированием будущего. При этом временная перспектива связана с психическими нарушениями двояким образом: не только

болезненные состояния накладывают свою печать на ее структуру, но и нарушения временной перспективы сами по себе провоцируют психические расстройства. Рассмотрены современные представления о временной перспективе как о ресурсе саморегуляции (Леонтьев, 2016). Согласно когнитивно-динамической концепции Ж.Нюттена, регулирующее влияние временной перспективы обеспечивается за счет мотивационных объектов, локализованных в будущем и оказывающих влияние на поведение в настоящем (Нюттен, 2004). Динамический баланс внутренних целей и внешних обстоятельств позволяет временной перспективе выступать таким универсальным ресурсом саморегуляции, который может компенсировать дефицит относительно стабильных ресурсов устойчивости (таких как базисные убеждения о мире и о себе, самооценка и т.д.) даже в наиболее экстремальных жизненных обстоятельствах (Леонтьев, 2016).

Во второй главе «Программа эмпирического исследования» дается общая характеристика участников исследования, представлено описание психодиагностических методик, а также обосновывается выбор методов математико-статистической обработки результатов исследования.

В третьей главе «Результаты эмпирического исследования» представлены полученные данные в соответствии с поставленными задачами.

В первом параграфе «Исследование переживания террористической угрозы, психологического благополучия и психопатологической симптоматики в группах респондентов разного возраста и пола» представлен анализ основных используемых в исследовании конструктов в различных половозрастных группах респондентов.

Изучение возрастной специфики *переживания террористической угрозы* показало, что наибольшей устойчивостью к информации о терактах обладают респонденты раннего взрослого возраста (22-35 лет). Юношеская и ранняя взрослая группа не имеют статистически значимых отличий по остальным показателям ОПТУ. Переживание террористической угрозы наиболее интенсивно среди респондентов старшего возраста: при том, что люди этого возраста предвидят свершение новых терактов в будущем примерно так же, как и остальные возрастные

группы, они испытывают больше симптомов ПТС и более интенсивно переживают террористическую угрозу в целом.

Изучение половой специфики показало, что все компоненты переживания террористической угрозы имеют более высокий уровень в группе женщин (различия по t-критерию достоверны на уровне значимости $p = 0,000$ по всем шкалам). Таким образом, женщины интенсивнее переживают террористическую угрозу, что выражается в тревожном ожидании новых терактов, большей восприимчивости к информации о терактах и более высоком уровне посттравматических стрессовых реакций в связи с ней.

Сравнительный анализ возрастных групп по *психологическому благополучию* с помощью t-критерия показал, что юношеская и ранняя взрослая группы статистически не отличаются друг от друга по выраженности компонентов психологического благополучия ($p > 0,05$), за исключением шкалы «Цели в жизни». Показатели этой шкалы выше в группе раннего взрослого возраста ($M_1=63,21$, $M_2=65,44$, $p = 0,034$). Выделяется старшая группа респондентов, чьи показатели ШПБ статистически достоверно отличны от других групп в сторону их снижения ($p < 0,05$).

Половые различия обнаружались в компоненте психологического благополучия «Управление средой» (среднее значение в группе женщин $M_1 = 56,97$, в группе мужчин $M_2 = 59,35$, $p = 0,015$). Поскольку общий индекс психологического благополучия статистически значимо не отличается у мужчин и женщин, то можно предположить, что достижение психологического благополучия может обеспечиваться разными способами. Так, более высокие значения по шкале «Управление средой» у мужчин свидетельствуют о большей значимости деловой сферы жизни, о важности компетентности в выполнении деятельности. В структуре психологического благополучия женщин, по сравнению с мужчинами, важнее оказывается открытость новому опыту и преобладание позитивных эмоций.

Психопатологическая симптоматика была изучена в нашем исследовании с помощью методик SCL-90-r и Миссисипской шкалы (МШ), оценивающей выраженность посттравматического стресса. Аналогично предыдущим результатам сравнения при изучении психопатологической симптоматики участников исследования показано, что в группе респондентов старшего возраста выше уровень

признаков посттравматического стресса, по сравнению с юношеской и ранней взрослой группами ($p < 0,05$). Кроме того, выраженность признаков ПТС выше у женщин ($M_1 = 79,25$, $M_2 = 72,19$, $p = 0,000$). Сравнение групп по показателям SCL-90-г осуществлялось с помощью U-критерия Манна-Уитни и не выявило значимых различий между группами.

Изучение отношения к перспективе будущего в различных возрастных группах показало наличие тенденции к снижению показателя методики ПМЖ с возрастом. Однако, если юношеская и ранняя взрослая группа мало отличаются друг от друга в оценке собственной жизненной перспективы, то старшая группа имеет достоверные отличия от них в сторону снижения этого показателя ($Me_1=89,00$, $Me_2=88,00$, $Me_3=80,00$, $p < 0,05$). Тем не менее, следует отметить, что значения методики во всех возрастных группах находятся на довольно высоком уровне. Половых различий не обнаружено ($p > 0,05$).

Во *втором параграфе «Корреляционный анализ связи переживания террористической угрозы, психологического благополучия и психопатологической симптоматики»* изложены результаты статистического анализа взаимосвязи изученных переменных.

Была обнаружена значимая обратная взаимосвязь между переживанием террористической угрозы и такими компонентами психологического благополучия, как: «автономия» ($r = -0,26$), «управление средой» ($r = -0,24$), «личностный рост» ($r = -0,12$), «цели в жизни» ($r = -0,12$), «самопринятие» ($r = -0,13$). Также установлена обратная взаимосвязь с общим индексом психологического благополучия ($r = -0,21$).

С другой стороны, мы получили данные о том, что интенсивное переживание террористической угрозы сопряжено со всеми показателями методики SCL-90-г и высоким уровнем ПТС ($p < 0,001$).

В свою очередь, все показатели психопатологической симптоматики оказались взаимосвязанными с компонентами психологического благополучия ($p < 0,001$). Можно предположить, что любое проявление психологического неблагополучия способно вызвать психопатологическую симптоматику. Только одна шкала – Личностный рост - обнаружила полное отсутствие связи с показателями методики SCL-90-г ($p > 0,05$). С практической точки зрения этот

результат может определять личностный рост как наиболее устойчивый компонент, способный выступить опорой для психокоррекционных мероприятий, направленных на повышение психологического благополучия в целом.

Корреляционный анализ взаимосвязи шкал психологического благополучия с общим баллом методики ПМЖ показал высокую согласованность между самооценкой всех компонентов благополучия и оценкой собственной перспективы жизни. Все шкалы психологического благополучия имеют значимые положительные связи с оценкой перспективы жизни ($p < 0,01$). Общий балл методики ПМЖ во всей выборке имеет значимые обратные корреляционные взаимосвязи с такими шкалами SCL-90-r, как: обсессивность-компульсивность ($r=-0,23$), межличностная сензитивность ($r=-0,21$), депрессия ($r=-0,26$), тревожность ($r=-0,12$), враждебность ($r=-0,17$), психотизм ($r=-0,16$), индексом GSI ($r=-0,21$) и PST ($r=-0,20$). Также показана обратная взаимосвязь между интенсивностью признаков ПТС и положительной оценкой перспективы жизни ($r=-0,16$).

Переживание террористической угрозы не имеет значимой связи с оценкой перспективы жизни ($p>0,05$).

Таким образом, на общей выборке была показана сопряженность с одной стороны, ресурсных факторов, а с другой – негативных факторов риска. Показано, что чем выше уровень психологического благополучия, тем ниже интенсивность переживания террористической угрозы и ниже уровень психопатологических симптомов и посттравматического стресса. Оценка перспективы будущего оказалась не связанной с интенсивностью переживания угрозы терактов, однако положительно связана со всеми компонентами психологического благополучия. Можно предположить, что оценка собственных перспектив не является ресурсом в совладании со стрессорами, но представляет собой результат оценки актуального уровня благополучия и его экстраполяции в будущее.

В ходе дальнейшего анализа были учтены возрастные и половые характеристики респондентов. Во всех возрастных группах был проведен корреляционный анализ связи общего балла ОПТУ и параметров психологического благополучия. Результаты проведенного анализа для юношеской и ранней взрослой групп представлены в таблице 1.

Таблица 1. Значения коэффициентов корреляции r-Спирмена между показателями методик ШПБ и ОПТУ в юношеской (n=133) и ранней взрослой группах (n=108)

Шкалы психологического благополучия	ОПТУ			
	Юношеская группа		Ранняя взрослая группа	
	r _s	p-level	r _s	p-level
Позитивные отношения с окружающими	-0,13	0,133337	-0,10	0,294026
Автономия	-0,25*	0,004215	-0,33*	0,000534
Управление средой	-0,17	0,052253	-0,37*	0,000073
Личностный рост	-0,09	0,293414	-0,01	0,895349
Цели в жизни	-0,09	0,312727	-0,11	0,242956
Самопринятие	-0,16	0,064490	-0,18	0,064253
Индекс ПБ	-0,18*	0,040019	-0,24*	0,011595

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции.

В обеих группах переживание террористической угрозы имеет статистически значимую отрицательную связь с общим индексом психологического благополучия. Отрицательные взаимосвязи обнаружены также в обеих группах со шкалой «Автономия», и в группе раннего взрослого возраста – со шкалой «Управление средой». Таким образом, сопротивляемость респондентов юношеского и молодого возраста к переживанию террористической угрозы оказалась сопряжена с такими качествами, как самостоятельность и независимость, способность регулировать собственное поведение в соответствии со своими личными ценностями и критериями. В группе раннего взрослого возраста ощущение собственной компетентности и обладание возможностью самостоятельно планировать свой повседневный уклад жизни имеет большое значение в совладании с различного рода внешними угрозами.

В старшей группе ни один из параметров психологического благополучия не взаимосвязан с переживанием угрозы терактов ($p > 0,05$). Таким образом, в этой группе интенсивность переживания террористической угрозы не связана с актуальным статусом психологического благополучия, т.е. с общим ощущением удовлетворенности/неудовлетворенности собственной жизнью. Однако респонденты с низким уровнем психологического благополучия в большей степени

страдают от признаков посттравматического стресса, по сравнению с психологически благополучными представителями этого возраста. Полученный результат может быть связан с тем, что старшая группа в нашем исследовании самая немногочисленная и представлена в основном женщинами. Таким образом, результаты сравнения разных возрастных групп могут испытывать на себе влияние половых различий.

Было высказано предположение о наличии специфических особенностей взаимосвязи психологического благополучия и переживания террористической угрозы у мужчин и у женщин. Для проверки этого предположения был проведен корреляционный анализ изучаемых переменных в группах женщин и мужчин. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Значения коэффициентов корреляции г-Спирмена между показателями методик ШПБ и ОПТУ в группах женщин (n=182) и мужчин (n=119)

Шкалы психологического благополучия	ОПТУ			
	Женщины		Мужчины	
	r_s	p-level	r_s	p-level
Позитивные отношения с окружающими	-0,17*	0,023603	-0,16	0,078192
Автономия	-0,28*	0,000155	-0,27*	0,002930
Управление средой	-0,23*	0,001506	-0,27*	0,003223
Личностный рост	-0,08	0,270035	-0,20*	0,034289
Цели в жизни	-0,12	0,096931	-0,15	0,112447
Самопринятие	-0,24*	0,001082	-0,16	0,090704
Индекс ПБ	-0,25*	0,000853	-0,22*	0,020169

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции.

В группе женщин общий балл ОПТУ имеет большее количество значимых связей с компонентами психологического благополучия. Как у мужчин, так и у женщин переживание угрозы терактов обратно взаимосвязано с автономией и управлением средой. По-видимому, в переживании (или, наоборот, устойчивости) террористической угрозы у женщин также имеет большее значение наличие теплых отношений с близкими и самопринятие, а также общее позитивное ощущение своей

жизни. У мужчин такое значение приобретает «Личностный рост», являющийся показателем ощущаемого развития и реализованности своего потенциала.

В *третьем параграфе* «Сравнительный анализ структуры психологического благополучия и признаков стресса в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы» представлены результаты сравнения контрастных по уровню интенсивности переживания террористической угрозы подгрупп. В качестве критерия для выделения подгрупп использовались низкие (подгруппа «Н») и высокие («В») оценки по общему баллу ОПТУ. Таким образом, в группу с низким уровнем переживания угрозы терактов вошли 96 человек, набравшие по методике ОПТУ от 53 до 108 баллов ($Me=95,00$). Группа с высокой интенсивностью переживания террористической угрозы представлена 96 респондентами, набравшими 134-188 баллов по ОПТУ ($Me=148,50$). Различия в изучаемых переменных между подгруппами анализировались с помощью U-критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Сравнительный анализ параметров психологического благополучия в группах с различной интенсивностью переживания террористической угрозы

Шкалы психологического благополучия	Me_1	Me_2	U	p-level
Позитивные отношения с окружающими	62,50	58,00	3719,500	0,021011*
Автономия	61,00	54,00	2939,500	0,000015*
Управление средой	60,00	55,00	2988,500	0,000026*
Личностный рост	63,00	60,00	3795,500	0,034825*
Цели в жизни	65,00	62,00	3616,000	0,009977*
Самопринятие	61,00	56,00	3275,500	0,000538*
Индекс ПБ	371,00	348,50	3119,000	0,000110*

Примечания. Me_1 – значение медианы в группе с низким уровнем переживания ТУ, Me_2 – в группе с высоким уровнем переживания ТУ. Знаком * отмечены статистически значимые различия.

Из таблицы 3 видно, что респонденты с высоким уровнем переживания террористической угрозы статистически значимо ниже оценивают свое психологическое благополучие по таким шкалам, как: позитивные отношения с

окружающими, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие. Их психологическое благополучие в целом ниже, чем у респондентов с низким уровнем переживания угрозы терактов.

Следует отметить, что приведенные значения в обеих подгруппах соответствуют нормам, предложенным авторами методики (Шевеленкова, Фесенко, 2005). Тем не менее, результаты сравнительного анализа позволяют описать различия между подгруппами. Так, респонденты с высоким уровнем переживания террористической угрозы в меньшей степени способны на установление близких отношений, более ориентированы на мнение окружающих при принятии решений, ниже оценивают свои способности противостоять социальному давлению. Управление повседневными делами представляется им более трудным, они чаще ощущают невозможным изменить или улучшить условия жизни и чаще испытывают чувство бессилия в управлении окружающим миром. Эти респонденты менее довольны собой, недооценивают свои силы и способности преодолевать жизненные препятствия. В целом, они менее удовлетворены своей жизнью, чем респонденты с низким уровнем переживания террористической угрозы.

Напротив, более устойчивые к переживанию террористической угрозы респонденты демонстрируют значимо более высокие показатели психологического благополучия. Эти люди в большей степени удовлетворены своими отношениями с окружающими, независимы и самостоятельны, способны контролировать обстоятельства и самостоятельно создавать условия для достижения целей. Они в большей степени открыты новому опыту, позитивно относятся к своему прошлому и имеют больше целей на будущее, на пути к которым испытывают чувства непрерывного развития и реализованности.

Сравнительный анализ интенсивности психопатологической симптоматики в группах респондентов с высокой и низкой интенсивностью переживания террористической угрозы показал достоверные различия между ними по всем используемым в нашем исследовании показателям симптоматики: они выше в группе с высоким уровнем переживания угрозы терактов ($p < 0,001$).

В четвертом параграфе «Исследование мотивационных и временных особенностей жизненной перспективы» приводятся данные изучения содержания перспективы будущего и его временной локализации в разных половозрастных

группах и у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы. Были проанализированы протоколы 223 респондентов в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст по выборке – 23 года). Участники были разделены на подгруппы в соответствии с возрастом и полом. В юношескую группу (17-21 год) вошли 121 человек (средний возраст – 19,66 лет): 72 девушки (средний возраст – 19,74 года) и 49 юношей (средний возраст – 19,54). Группу раннего взрослого возраста составили респонденты 22-35 лет (средний возраст – 26,90 лет): 57 женщин (средний возраст – 26,72) и 45 мужчин (средний возраст – 27,14 лет). Меньшее количество участников, чем на предыдущем этапе, объясняется тем, что некоторые респонденты отказались от заполнения методики ММИ.

В таблице 4 представлены данные описательной статистики мотивационных и темпоральных категорий ММИ ($n = 223$). Наиболее часто встречающимися в ответах испытуемых категориями стали мотивы, относящиеся к собственной личности (S), социальным контактам (C), самореализации (SR), продуктивной активности (R) и мотивы и цели, формулируемые для других людей (C3). Цели, желания, мотивы, о которых сообщали участники исследования, наиболее часто планируются ими на период 1-2 года (Y) и на первый период взрослой жизни (A1).

Таблица 4. Описательная статистика мотивационных и темпоральных категорий ММИ во всей выборке ($n=223$)

	Код	Содержание категории	M	min	max	σ
Категории содержания мотивации	<i>S</i>	Собственная личность	6,16	0	20	3,38
	<i>Spre</i>	Защита Я	0,98	0	6	1,21
	<i>Saut</i>	Автономия Я	1,62	0	14	1,89
	<i>SR</i>	Самореализация	3,06	0	12	2,54
	<i>R</i>	Продуктивная активность	3,61	0	19	2,76
	<i>C</i>	Социальные контакты	5,12	0	19	3,44
	<i>C3</i>	Мотивы в отношении третьих лиц	2,15	0	12	2,08
	<i>C3H</i>	Пожелания всему человечеству	0,79	0	6	1,27
	<i>E</i>	Познание	0,89	0	7	1,22
	<i>Tx</i>	Экзистенциальные мотивы	0,21	0	4	0,52

	<i>P</i>	Потребительская мотивация	1,88	0	12	2,14
	<i>L</i>	Отдых, развлечения	1,96	0	27	2,65
	<i>Tt</i>	Мотивы, связанные с процедурой тестирования	0,09	0	5	0,48
Темпоральные категории	<i>TDWM</i>	Ближайшее будущее (до 1 месяца)	2,04	0	28	3,05
	<i>Y</i>	1-2 года	5,39	0	24	5,19
	<i>A1</i>	Первый период взрослой жизни	5,70	0	21	5,36
	<i>A, AO, O</i>	Зрелость, старость	2,07	0	10	2,40
	<i>L</i>	Вся предстоящая жизнь	7,43	0	25	4,36
	<i>l</i>	«Открытое настоящее»	3,15	0	16	2,89
	<i>x</i>	Историческое будущее	0,54	0	5	0,98
	<i>X</i>	Период после смерти	0,03	0	1	0,16

Сравнительный анализ полученных данных с учетом возраста и пола респондентов был проведен с помощью U-критерия Манна-Уитни. Сравнение возрастных групп по всем категориям ответов в ММИ не дало значимых различий ($p > 0,05$). Категории мотивационного содержания перспективы будущего имеют сходную частоту упоминания в обеих группах.

Статистически значимые различия обнаружены лишь для темпоральных параметров перспективы будущего. В *группе юношеского возраста* чаще указываются такие планы и цели, реализация которых должна состояться в ближайшие 1-2 года (категория *Y* и E_3) ($Me_1 = 8,00$, $Me_2 = 2,00$, $U = 1225,50$, $p = 0,000$). В *группе респондентов раннего взрослого возраста* чаще указываются планы, относящиеся к периоду первой половины профессиональной карьеры или взрослой жизни ($Me_1 = 2,00$, $Me_2 = 10,00$, $U = 1093,00$, $p = 0,000$). Этот результат связан с тем, что для каждой из возрастных групп указанный период является актуальным периодом жизни: для юношеской группы таким периодом является период 1-2 года, что соответствует времени обучения в высших учебных заведениях (их средний возраст – 19,66). Возраст респондентов средней группы – 22-35 лет, что соответствует началу взрослой жизни, обозначаемому категорией *A1*. Таким

образом, несмотря на статистические различия, можно говорить об отсутствии возрастных различий: большей мотивационной наполненностью обладают актуальные для каждого возраста периоды социальной жизни.

Сравнительный анализ ответов на пункты ММИ мужчин ($n = 94$) и женщин ($n = 129$) обнаружил различия в частоте упоминания следующих мотивационных и темпоральных категорий опросника. Так, женщины чаще пишут о мотивах, связанных с самосохранением ($U = 4966,50$, $p = 0,014$), достижением личностной автономии ($U = 4317,00$, $p = 0,000$), самореализацией ($U = 4856,00$, $p = 0,010$), продуктивной активностью ($U = 5063,00$, $p = 0,034$), социальными контактами ($U = 3885,00$, $p = 0,000$), пожеланиями другим людям ($U = 4232,00$, $p = 0,000$) и познанием ($U = 4896,50$, $p = 0,008$). Среди временных категорий ММИ у женщин чаще встречаются категории начала взрослой жизни ($U = 5019,00$, $p = 0,027$), «открытого настоящего» ($U = 2435,00$, $p = 0,000$) и исторического будущего ($U = 5243,00$, $p = 0,038$).

Таким образом, мы обнаружили половые и не обнаружили возрастных различий в характеристиках жизненной перспективы. В соответствии с поставленными исследовательскими задачами, дальнейший анализ мы проводили среди респондентов с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы отдельно в группе женщин и отдельно в группе мужчин.

Для каждого пола были выделены подгруппы с высоким и низким уровнем переживания угрозы терактов по показателю методики ОПТУ. Показано, что женщины с высоким уровнем переживания террористической угрозы ($n = 43$) чаще, чем женщины с низким уровнем ($n = 41$) используют в своих ответах категорию С3 ($U = 617,00$, $p = 0,017$). К этой категории относится такая мотивация, в которой субъект выражает свои надежды, желания или опасения, касающиеся других людей. Более частое упоминание этой категории в ответах респондентов с высоким уровнем переживания террористической угрозы может рассматриваться как проекция собственных тревог на других людей в связи с дефицитом личностной рефлексии собственных переживаний.

Сравнение мужчин с высоким ($n = 33$) и низким ($n = 27$) уровнем переживания террористической угрозы позволило обнаружить различие в частоте упоминания категории Spre: мужчины с высоким баллом по ОПТУ чаще сообщают о мотивации,

связанной с самосохранением ($U = 323,00$, $p = 0,046$). При этом, мотивы защиты и сохранения «Я» могут относиться как к физическому уровню (не болеть, выздороветь, оставаться здоровым и т.д.), так и к психологическому – защитить или обеспечить внутреннее равновесие, устойчивость, психологическое благополучие.

Результаты проведенного исследования кратко сформулированы в **Выводах**:

1) Показаны половозрастные различия в переживании террористической угрозы. Интенсивность переживания террористической угрозы, психологическое благополучие, психопатологические симптомы и посттравматический стресс находятся на одном уровне в юношеском и раннем взрослом возрасте. Респонденты старшего возраста наиболее уязвимы к переживанию угрозы терактов, они ниже оценивают свое психологическое благополучие и испытывают более выраженные психопатологические симптомы и посттравматический стресс. Низкие показатели оценок перспективы жизни также отмечаются в старшем возрасте. По сравнению с мужчинами, женщины острее переживают террористическую угрозу, они более восприимчивы к информации о терактах, выше оценивают вероятность новых терактов и испытывают в связи с этим больший стресс.

2) Интенсивное переживание террористической угрозы положительно связано с негативными психопатологическими симптомами и посттравматическим стрессом и отрицательно связано с оценками психологического благополучия в группе респондентов юношеского и раннего взрослого возраста. В старшей группе переживание террористической угрозы не связано с психологическим благополучием. Общая оценка перспективы жизни не связана с актуальным уровнем переживания террористической угрозы.

3) Были описаны различия между респондентами с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы. Лица, устойчивые к переживанию угрозы терактов, сообщают о меньшем уровне психопатологической симптоматики, выше оценивают свое психологическое благополучие в целом. Они более позитивно характеризуют свои социальные отношения, стремятся к большей автономии, легче справляются с повседневными задачами, имеют жизненные цели и стремятся к саморазвитию.

4) Обнаружены различия в мотивационном содержании перспективы будущего в группах с различным уровнем переживания террористической угрозы. Люди, интенсивно переживающие угрозу терактов, демонстрируют признаки тревожности, находящей свое отражение в специфике содержания мотивации: у женщин она выражается в беспокойстве за близких людей, а у мужчин в обеспокоенности за собственную безопасность.

В **Заключении** проводится обобщение результатов научно-исследовательской работы и их сопоставление с более широким научным контекстом.

Основное содержание и результаты исследования отражены в 20 научных публикациях автора общим объемом 8,16 п.л.

I. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Казымова Н. Н.** Факторы риска и ресурсы устойчивости к переживанию террористической угрозы // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №12. С.102–109. **0,94 п.л.**
2. **Казымова Н. Н.** Психологическое благополучие как индикатор психологической безопасности лиц с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. 2013. Т.19. №4. С.36–39. **0,30 п.л.**
3. **Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.** Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. №2(22). С.2. **0,61 п.л.**

II. Публикации в других изданиях:

4. **Казымова Н. Н.** Жизненная перспектива как фактор устойчивости человека к переживанию террористической угрозы / Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С.264–278. **0,86 п.л.**
5. **Казымова Н. Н.** Психологические последствия и ресурсы переживания террористической угрозы // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности / Владивосток: Изд-во «Центр клинической и прикладной психологии», 2016. Т.6. С.57–66. **0,43 п.л.**

6. *Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.* Связь психологического здоровья и благополучия с интенсивностью переживания террористической угрозы / Психология и современный мир. Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Вып.8, ч.1. / Отв. ред. М. В. Корехова. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2015. С.26–28. **0,16 п.л.**

7. *Казымова Н. Н., Быховец Ю. В.* Особенности жизненной перспективы у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы / Современная личность: Психологические исследования. Сер. «Труды Института психологии РАН». / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.275–289. **0,73 п.л.**

8. *Тарабрина Н. В., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Ворона О. А.* Анализ структуры мотивации жителей Москвы и Забайкалья с различным уровнем переживания террористической угрозы / Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова: в 2 частях / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.629–631. **0,29 п.л.**

9. *Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.* Переживание террористической угрозы жителями разных регионов России: эмпирическое исследование / Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С.324–335. **0,5 п.л.**

10. *Быховец Ю. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Взаимосвязь параметров переживания террористической угрозы и психологического благополучия в различных возрастных группах // Материалы Всероссийской конференции «Психология безопасности жизнедеятельности человека и общества в современном мире», Москва, 2011. **0,37 п.л.**

11. *Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.), Быховец Ю. В.* Сопряженность параметров психологического благополучия и переживания террористической угрозы // Материалы Итоговой научной конференции ИП РАН 24-25 февраля 2011 / Отв.ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 57–64. **0,46 п.л.**

12. *Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Террористическая угроза и психологическое благополучие у школьников: эмпирическое исследование / На пороге взросления. Сборник тезисов участников Третьей Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2011. С.88–90. **0,1 п.л.**

13. *Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Связь переживания террористической угрозы и психологического благополучия личности

в различных возрастных группах / Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ярославль, 19—21 мая 2011 г.: В 3 ч. Ч. I / Отв. ред. А. В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г.Демидова, 2011. С.434–438. **0,24 п.л.**

14. *Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Взаимосвязь параметров переживания террористической угрозы и психологического благополучия у москвичей / Психологическая безопасность в мегаполисе / Отв. ред. А. И. Ляшенко. М.: Когито-центр, 2011. С.97–106. **0,3 п.л.**

15. *Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-21) / Психологические исследования. Вып. 5. Сер. Труды молодых ученых / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С.36–49. **0,70 п.л.**

16. *Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.), Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В.* Опросник переживания террористической угрозы: описание методики. / Психология – наука будущего. Материалы III международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 5-7 ноября 2009 г., Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С.46–49. **0,18 п.л.**

17. *Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* К вопросу о вкладе уровня психологического благополучия личности в переживание террористической угрозы / Актуальные проблемы клинической и прикладной психологии / Отв.ред. Н. А. Кравцова, Р. В. Кадыров. Владивосток: Владивостокский государственный медицинский университет, 2009. С.86–88. **0,11 п.л.**

18. *Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* «Страх» – социальный стереотип или реакция на угрозу терактов? / Психологические проблемы бытия человека в современном обществе. Здоровье личности и ее адаптация: Материалы международной научно-практической конференции. Магнитогорск: МаГУ, 2009. С.51–54. **0,23 п.л.**

19. *Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Психологически уязвимые мишени информационного воздействия терроризма. / Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики. Материалы научно-практической конференции. Москва, 2009. С.67–71. **0,29 п.л.**

20. *Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Бакусева Н. Н. (Казымова Н. Н.)* Представления о террористическом акте у молодежи Москвы и Московской области / Экстренная психологическая помощь в трудных жизненных ситуациях. Материалы IV Международной научно-практической конференции детских Телефонов доверия. Астрахань, 2009. С. 173–177. **0,36 п.л.**